

Материалы
Международной научно-практической конференции
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКОЛОГИИ:
ЯЗЫК – ЛИТЕРАТУРА – КУЛЬТУРА»

Proceedings Of The International Scientific Conference
"CONTEMPORARY PROBLEMS OF TURKOLOGY:
LANGUAGE – LITERATURE – CULTURE"

17-18 ноября 2016, РУДН
17-18 November 2016, RUDN

Составители / Editors
У.М. Бахтикиреева / Uldanai M. Bakhtikireeva
Н.М. Джусупов / Nursultan M. Dzhusupov
С.В. Дмитриук / Sergey V. Dmitryuk

Москва / Moscow
2016

УДК
ББК

Бахтикиреева У.М., Джусупов Н.М., Дмитрюк С.В. (составители) / Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. М.: Издательство РУДН, 2016. 816 с.

Сборник включает статьи и тезисы участников Международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», состоявшейся в Российском университете дружбы народов 17-18 ноября 2016 года в г. Москве при финансовой поддержке Межгосударственного Фонда Гуманитарного Сотрудничества государств – участников СНГ.

Сборник адресован как специалистам-тюркологам, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами истории тюркских народов, их языков и культур.

ISBN

© Бахтикиреева У.М., Джусупов Н.М., Дмитрюк С.В. 2016.
© Uldanai M. Bakhtikireeva, Nursultan M. Dzhusupov, Sergey V. Dmitryuk 2016.
© Российский университет дружбы народов, 2016.
© RUDN University, 2016.
© Авторы
© Authors

Материалы печатаются в авторской редакции
Materials are published in the original editing

ИРОНИЯ И ПАРАДОКС В ДИСКУРСЕ О. СУЛЕЙМЕНОВА

Аслан Жамилевич Жаксылыков
 доктор филологических наук, профессор
 КазНУ им. аль-Фараби
 Алматы, Республика Казахстан

В статье рассматриваются сложные вопросы поэтики О. Сулейменова, в частности особенности функционирования парадоксов в поэме «Глиняная книга», авторская стратегия по развитию особого парадоксального мышления, облеченного в иронический модернистский дискурс. Все эти особенности рассматриваются как актуальные черты и принципы поэтики О. Сулейменова, имеющие важное значение в свете современных интерпретаций.

Ключевые слова: дискурс, метод, парадокс, релятивизм, онтология, мениппова сатира.

Семидесятые годы – это приближение конца социалистического реализма, того времени, которое было отпущено историей идеологическому методу, детищу марксизма-ленинизма в его прикладном варианте. Соцреализм должен был служить матрицей для всех форм и вариантов художественно-эстетического мышления в советском искусстве, в том числе и в жанрово-стилевом отношении. Нормированная антропология (модель детерминированного человека), регламентированный конфликт и проблематика произведения, однозначный пафос исторического оптимизма, идеологизированная художественная правда (которая никогда правдой не являлась), умеренный психологизм (глубокий не одобрялся), черно-белый ракурс в изображении человека по критерию положительного и отрицательного, пресловутые каноны классовости, партийности народности – вот некоторые опорные принципы этого метода. Они, в том числе, тотальный контроль над искусством привели к застою в культуре социалистических стран и советских республик, а он стал особенно очевидным в семидесятые годы двадцатого века. Все эти критерии легко вписываются в некую схему, которую можно определять как схематизм, косность, одномерность, линейный характер мышления, грубо опрощающий даже такое сложнейшее явление бытия как диалектика. А ведь диалектика – это только дверь в мир парадоксов. Парадокс как форма мышления, это определенный знак свыше, он говорит человеку следующее – вот предел твоего языкового мышления, языковой, вербальной картины мира, которую ты можешь вообще начертать, это граница твоего восприятия, следовательно – воображения. А мир простирается бесконечно шире и глубже по немислимым проекциям за пределы твоего мышления и воображения. Современные экзотические теории в физике подсказывают, что самые радикальные, нетривиальные состояния вещества и есть граница, так называемой, видимой вселенной.

В двадцатом веке человечество ощутило эти границы, когда Альберт Эйнштейн опубликовал сначала специальную, потом общую теорию относительности. Наиболее проницательные умы планеты начали понимать, что границы мира находятся не в пространстве-времени, а в уме человека. Так релятивизм ворвался в мировую онтологию, сначала в науку, потом в искусство. Принцип относительности проник во все сферы мышления в западной культуре, он и стал одним из факторов развития модернизма и постмодерна. С тех пор такая ситуация в западной онтологии сохраняется, усиливается лишь степень иронического остранения от объекта и субъекта творчества. Мы должны

признать, что в советском искусстве социалистический реализм в значительной мере реанимировал эстетику классицизма с его железобетонными принципами, регламентами и запретами. Релятивизм был чужд советскому образу мышления, он был опасен и враждебен господствующей идеологии и методологии. Еще бы, ведь принцип относительности предполагает и иронический взгляд на самого себя со стороны. В сталинскую эпоху такое было невозможно, с трудом пробивал себе дорогу релятивизм и в постсталинскую эпоху. Тоталитаризм и господство директивного мнения губительны для большой науки. Искусство, более свободное в своих формах и средствах, всегда спешит проложить ей дорогу в будущее, однако не всегда ей это удается сделать.

Поразительно осознавать, что релятивистский принцип был изначально открыт на Востоке в глубокой древности (3-2 тыс. лет. до н.э). Он был облечен в религиозную форму, в Индии как брахманская космогония, затем как буддийская философия, в Китае явлен в качестве даосских притч и парадоксов. (1) Этот релятивизм носил столь радикальный и сложный характер, что он до сих пор влияет на мировую онтологию, ее дисциплины и направления, особенно на астрофизику, квантовую философию и физику. В этом плане О. Сулейменов прав, когда в своей парадоксальной поэме «Глиняная книга» формулирует: «Талант ученого, как сказано однажды, – суперпамять. Открывать – это значит вспоминать давно и всеми забытое». (1.334-335с.)

Религиозно-философский мистицизм исподволь влияет на все формы мышления, это особо тонкая сфера метамышления человечества, она была всегда и никогда не спрашивала разрешения, быть ей или не быть. Но в советское время ее пытались запретить, изгнать из всех пор общества, особенно из науки, и надстройка общества оказалась недолговечной, она рухнула. Всем известен Н.И.Лобачевский, один из создателей неевклидовой геометрии. В советской литературе были литераторы, философы, ученые, обладавшие всеми качествами релятивистского, парадоксального мышления, которые были поближе к пульсу тайны бытия. Назовем хотя О. Мандельштама, М. Булгакова, Д. Андреева, Н.А. Козырева, увы, они в той или иной форме закономерно стали жертвами режима, и это не случайно. Обладать парадоксальным мышлением значит – быть свободным от официоза, идти вразрез с господствующей идеологией и методологией. Внутренняя свобода человека в тоталитарном обществе – непростительный грех перед обожествленной методологией.

Таким образом, допустима констатация, что развитый последовательный релятивизм продуктивен и в науке и в искусстве, особенно, если он окультурен длительной духовной традицией. Обратимся к казахской национальной культуре. Как ни странно, принцип относительности пронизывает и казахский фольклор, особенно волшебные сказки. Есть сказки, где по тенгрианским моделям была предложена иерархия миров, высших, средних и нижних (сказки цикла «Ер Төстік»). (3.49-51с.) В средние века релятивистский принцип был углублен и осложнен суфийскими текстами, которые в большом количестве проникли в казахскую письменную и устную традицию. Из этих истоков и берет начало народная философия «Жалған дүние». В двадцатом веке, особенно в сталинскую эпоху, реальный релятивизм был полностью изгнан из национальной культуры, то есть из науки и искусства. Литература тесно породнилась с эволюционизмом, линейным принципом восхождения от простого к сложному, от низшего к высшему. Плоское, двумерное мышление прочно утвердилось во всех сферах познания. Догматизм, схематизм, господство шаблонов и стереотипов, агрессивная нетерпимость к иному типу мышления и миропонимания, нормированная, декларативная диалектика, не имеющая ничего общего с реальной диалектикой в природе и социальных отношениях, – все это долго господствовало в нашей науке, литературе и искусстве.

Первым по настоящему масштабным и революционным прорывом в национальной литературе семидесятых годов стала поэма Олжаса Сулейменова «Глиняная книга». Если не знаешь ее предтеч, она кажется неожиданной и неподготовленной, воспринимается своего рода инопланетной гостьей. Однако у нее есть предтечи, и они очень глубокие, а уходят корнями в неожиданные проекции. Например, по нашим предположениям, истоки угадываются в менипповой сатире из мировой литературы («Золотой осел» Апулея, «Сатирикон» Петрония), в онтологическом или лингвопоэтическом плане – в «Тайной доктрине» Е.П. Блаватской и т.д. В семидесятых годах в казахской литературе ультрасовременный синтез архаики и модернистской иронии в форме системных парадоксов, заявленный в поэме О. Сулейменова «Глиняная книга», оказался неожиданным, даже шокирующим. Многие критики и литературоведы просто не поняли сути этой поэмы. Они по-прежнему хотели читать по линейному принципу, а в поэме был совсем другой тип мышления. Он был странный и не укладывался в прокрустово ложе методологии.

Парадоксы встречаются в поэме на каждом шагу и часто выступают как тропы, и их очень много, они экспрессивны, особенно в ироническом или сатирическом контексте. Приведем лишь некоторые из них: «Спит человечество вечно, но каждый век из храпящей толпы поднимается один человек», «И снова в будущее пропутешествуют народы спящие», «Жизнь – это сон», – сказано, но не нами. Явь – это смерть. Неплохо?», «И мука меда воздается ядом», «Не каждого любят, но каждого губит надежда», «А восьмой был шагом первым» и т.д. (2.338-352с.) Есть и скрытые иронические пассажи – оксюмороны, они направлены в плоскость изжившего себя традиционализма: «Таков поэт по имени Котэн». Нет никакого сомнения, что вся система тропов в поэме создает великолепную экспрессию, главная цель которой – осмеяние всего и вся, что представляет собой пресловутый шаблон, своего рода железную привязанность ко всему отжившему, омертвелому, безнадежно косному в науке, культуре, искусстве, особенно – к догматической методологии. Есть объекты более или менее ясно вычерченные – это историческая наука на стадии провинциализма и плакатная, дежурная поэзия, служащая верхам. Смех поэта здесь очевиден, известна и его реминисценция. Однако это только верхушка айсберга, стратегия парадоксального метода Сулейменова простирается шире и глубже этого. Это противостояние авторской эзотерики и герменевтики, стремящейся через парадоксы к постижению амбивалентности и недвойственности как важных стадийальных изоморфных проявлений, как в общечеловеческой истории, так и в типах мышления. Например, храмовая блудница Шамхат и ассирийский царь амбивалентно – это одно и то же лицо, исторические прецеденты таких метаморфоз в древнем мире прекрасно объяснены Е.П. Блаватской в «Тайной доктрине». Другое дело, что адресатом иронической атаки О. Сулейменова является мир номадов, оказавшийся не на своем месте не в свое время, по этой причине порой выпадающий вообще из истории. И тогда конфликт культур неизбежен, и результаты инвектив прочитываются только в парадоксальном контексте. Например, в представлении кочевников-воинов, позорно влюбившись в проклятую рабыню-блудницу, скифский вождь Ишпака «умирает-выбывает» из их мира, они еще не понимают, что «она» одновременно является еще и «им» (то есть мужчиной). В представлении персов и ассирийцев, Ишпака – вождь ишогузов именно через такую «унизительную» любовь возрождается, становится человеком, – по парадигмам своей культуры они иначе понимают требования любви. В концептосфере поэмы любовь для них – самоотверженность, готовность к смерти личного «эго». Этого еще требует религия Иштар. Ишогузы бесконечно далеки от таких «вырожденческих вариантов» любви. А в наше время маскулинизация женщин и феминизация мужчин, определенные субкультуры, изменение пола некоторыми людьми (особенно на Западе) разве не возвращают нас к повторному осмыслению некоторых правил правящих кланов древнего Египта и Месопотамии?

Смех О. Сулейменова предлагает самый оптимальный вывод из громоздких абстракций и тяжелых теоретических построений, а также безнадежных пикировок. Смех есть смех, он есть средоточие жизни, которая всегда движется вперед, а парадоксы дают знать человеку, что он серьезно отстал или все еще спит крепким сном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капра Ф. Дао физики. Санкт-Петербург, Орис, 1994. 302с.
2. Сулейменов О. Определение берега. Алма-Ата: Жазушы, 1976. 456с.
3. Жаксылыков А.Ж. Сравнительная типология образов и мотивов с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Эстетика, генезис. Алматы: Қазақ университеті, 2013. 362с.